

НАША СТРАНА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
 Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 486378

Correo
 Central B.
 Argentina

FRANQUEO PAGADO

Concesión № 3980

INTERES GENERAL

Concesión № 4233

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
 Casilla de Correo 2847
 Buenos Aires Argentina

AÑO VIII Buenos Aires, jueves, 24 de Noviembre de 1955 • Буэнос Айрес, четверг 24 ноября 1955 года № 305

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

19. ЦК маневрирует, пользуясь церковной иерархией и пугая народ эмигрантами. Печальные для партии итоги 38-го года ее диктатуры.

Советские правители за четверть века гонений на Церковь пришли к грустному для них выводу, что ее в России невозможно уничтожить; поэтому с конца 1942 г. они стремятся созданием патриархата сделать из нее свое орудие для борьбы за конечное торжество безбожного коммунизма.

Это относится не только к русской Церкви, но и к другим Православным Церквям: грузинской, румынской, болгарской, чешской, престолы которых находятся на подвластной чекистам территории. Такова же судьба и древней Армяно-Григорианской Церкви, раз ее духовная столица Эгмнадзин оказалась в пределах Советского Союза с 1920 г.

Армяне вообще представляют большой интерес для советской политики: вековые гонения со стороны турок издавна воспитали в них чувство привязанности к России — покровительнице христианства на Кавказе и на Ближнем Востоке, почему даже в эмиграции не наблюдаем среди армян тех сепаратистических антирусских группировок, какие пытаются присвоить себе без достаточных на то оснований право выступать от имени Украины, Грузии или мусульманских народностей: большое число армян веками живет во всех странах Ближнего Востока, заняло прочное положение в торговом мире и привлечение их под флагом религии на сторону коммунизма было бы таким же козырем, как насажение советской церковной иерархии в странах «свободного Запада».

Поэтому позволю себе ознакомить читателей с выборами армянского католикоса (патриарха) в Эгмнадзине 4-го октября с. г.

Армянская Церковь испила ту же горькую чашу гонений, что и наша Святая Православная Церковь. Авторитетный и известный на Западе католикос Геворк У лично вынул страх чекистам и безбожникам, разгорявшимся на его глазах храмы, арестовывавшим лучших пастырей, проповедывавшим безбожие. Более душой подобно нашему Святейшему Тихону, за свою паству, он скончался «на воле» в 1932 г. Его преемника католикоса Хорена после ареста всех подчиненных ему иерархов в ноябре 1937 г. задушили в кровати пришедшие арестовать его, чекисты (вспомним Св. Митрополита Филиппа и Малюту Скуратова). За отсутствием епископов, заключенных в

тюрьмы, Церковью правил покорный советам архимандрит Геворк Черекчян. Лишь в 1940 г. были возвращены из ссылки некоторые епископы, хиротонисавшие Геворка во епископа; он в 1943 г. повторил политику митрополита Сергия: призвал паству к поддержке Сталина: вместо ремонта разоренных церквей, собрал с паствы деньги на танковую колонку «Давид Сассунский» (как Алексей Симанский и Николай Ярушевич собирали с православных деньги на танковую колонну «Димитрий Донской»), добился аудиенции у Сталина в апреле 1945 г. и с его разрешения созвал через две недели собор, на котором был избран католикосом с именем Геворка VI.

Новый католикос открыл несколько закрытых храмов, воссоздал в Эгмнадзине духовную семинарию и академию, но больше подвизался, агитируя по подписке на займы и за «движение сторонников мира» подражая во всем патриарху Алексию в Москве. 9 мая 1954 г. он скончался в возрасте 86 лет. Среди прибывших на его погребение 27 мая был — наряду с председателем совета по делам религиозных культов при совете министров СССР И. В. Полянским и делегированным Алексием из Москвы любимцем Кремля архиепископом Питиримом Минским и Белорусским — молодой 46-летний епископ армянской церкви в Румынии Вазган Балджян, как и архиепископы из Северной и Южной Америки Мамбре Галфаян и Сион Манукян.

После погребения, Церковью правил старший из армянских иерархов в СССР архиепископ Вазган. Выборы по настоянию советского правительства откладывались в продолжение 17 месяцев, за которые румынский епископ, съездивший в Москву, был назначен членом Эгмнадзинского синода и вошел в курс советских директив Армянской Церкви. Он оказался удобнее для ЦК компартии, чем возвращенные из ссылки исповедники, чтимые народом, несмотря на капитуляцию в 1942 — 43 г.г. перед Сталиным.

Только в начале октября с. г. состоялся в Эгмнадзине Собор, на который снова приехали архиепископы Мамбре Сарукян — из Каира, Мамбре Галфаян — из Нью-Йорка, Вартаг Гаспарян — из Сан-Франциско, Сион Манукян — из Южной Америки; гостями из Москвы снова были изведенный в феврале с. г. в сан митрополита Питирим и Полянский;

выборы католикоса шли под наблюдением местного предс. совета по делам Церкви при Совете Министров Армянской ССР Р.Гр.Григоряна.

При наличии 5 маститых иерархов Армянской Церкви, в СССР был избран 4-го октября католикосом младший из гостей румынский епископ Вазган Балджян, о котором советская печать сообщает весьма необычайную биографию; он родился в Бухаресте в 1908 г., кончил литературный факультет там же в 1936 году (поздно — в 28 лет!), преподавал 5 лет литературу в армянской школе Бухареста, в 1943 г. при приближении советских войск постригся, после оккупации Румынии в 1944 г. стал архимандритом, а в 1951 г. — епископом в 43 года. Впервые познакомился с современной Россией путем сотрудничества с оккупационными властями, превратившими православную Румынию в народную демократию.

Католикос Вазган I по избрании поехал «представиться» председателю Совета Министров Армении А.Е. Качикуяну. На другой день возвел в епископы трех монахов из Палестины и двух архимандритов из СССР. Первые поехали организовывать свои епархии в Палестину; новый епископ Вартаг Ованесян назначен в Ростов с титулом Нахичеванского, епископ Азавурян — в Баку с титулом Азербейджанского и Средне-Азиатского. Эти инспирированные Полянским и Григоряном хиротонии и назначения совпадают с раздуванием конфликта между Израилем и Египтом и военными приготовлениями на границах Ирана, вступающего теперь в Англо-Турко-Иракский военный союз.

В дипломатических кругах Москвы уже привыкли видеть в банкетах и обычных приемах представителем патриарха митрополита Елевферия: в более торжественных случаях появляется Николай Крутицкий. Советское правительство подчеркивает этим советский характер патриархата. В Императорской России Митрополит Петербургский и Ладожский никогда не ездил на обеды и вечера в иностранные посольства.

Странное впечатление производит новая линия советской пропаганды, историю находим в романе **Виталия Закруткина «Сотворение мира»**; начало этого романа с эпиграфом из Апокалипсиса, гл. 14, ст. 2-ой и гл. 21, ст. 1-ый) напечатано в недавно полученной мной сентябрьской книжке журнала «Октябрь».

В первой главе читаем трогательное описание отпевания старым деревенским священником умершего с голоду старика в приволжской деревне в начале 1921 г. Но, после этого несвойственного советским романам начала, вторая глава открывается таким описанием той эпохи: «на дне большой сибирской реки упокоился расстрелянный адмирал Кол-

В номере:

- Алексей Ростов
НА РОДИНЕ
- Григорий Климов
ОТВЕТ
НА «ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО»
(Окончание)
- Н. Потоцкий
МОЙ ОТВЕТ
ГРИГОРИЮ КЛИМОВУ
(Окончание)
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА
- RUSSIA DE CERCA Y DE LEJOS

чак. Тихим постояльцем поселился в лондонской гостинице генерал Деникин. Вместе с разбитым Врангелем уехали в Константинополь Кутепов, Туркул, Слашев, Улагай, сотни (!) генералов, сенаторов, баронов, графов, десятки тысяч коринфовцев, дроздовцев, марковцев, донских и кубанских казаков. Через безводные степи Балхаша ушел в Китай мрачный атаман Анненков. В штате Мичиган собирал «мичиганских запорожцев» ясновельможный пан гетман Павло Скоропадский. Пригнетые диктатором Польши Пилсудским отсиживались в Варшаве «головной атаман» Симон Петлюра, «генерал-хорунжий» Тютюнник, Савинков, братья Булак-Балаховичи...

При чтении следующих глав оказывается, что в деревне скрывается, под видом демобилизованного буденовца, офицер дивизии генерала Мамонтова, к которому нелегально приезжает Борис Савинков. Далее идет лирическое описание голода, при чем умалчивается об американских столовых АРА и выдуманно, что Лига Наций мешала Нансену собирать помощь для голодающих; далее рассказывается, как священники «добровольно» отдавали священные сосуды в Помгол, а «престарелый митрополит», получивший через явившихся под видом странников и юродивых эмиссаров эмиграции директивы, запретил отдавать церковные ценности большевистскому Помголу; священник, описанный в первой главе, получив послание митрополита, провозгласил ему анафему и сдал священные сосуды и ризы с икон в сельсовет, за что в него стрелял мамонтовский офицер. Далее идет грубая брань по адресу Императрицы Марии Федоровны, великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича и верных монархии в эмиграции «кавалергардов, правоведов, кирасир».

Я придаю большое значение появлению подобного «романа» в инспирируемом ЦК партии журнале — ор-

таке Союза Советских Писателей СССР. Это показывает, что 1) наша политическая эмиграция совсем не забыла, а наоборот, после войны вернувшиеся с фронта военные и амнистированные ныне военнопленные и остовцы принесли добрую весточку о нас, которая заставила вспомнить, что мы живем и боремся; 2) вызванный подобными рассказами слух заставил напуганный ЦК партии заказать своим борзонам романы, возбуждающие всякими небывшими некависть к нашей боевой эмиграции и незабытому Императорскому Дому; 3) в этой борьбе против нас будет использовано религиозное чувство через ставшую советской агентурой часть духовенства (вспомним пресловутых епископов Владимира Путягу и Антонина, священников Красницкого и Введенского!); 4) но это новое оружие пропаганды оказывается обоюдоострым: вспоминаю, как жадно ловили мы на родине каждую, даже клеветническую весточку об эмиграции: «если пишут, что Врангель пьянствует с офицерами, то насчет пьянства — это вздор, но слава Богу, что он жив и имеет офицеров; если великий князь «кутит» с генералами, значит, он не умер и что-то с генералами затевает против коммунизма»; так рассуждали мы: теперь многие читатели в России рассуждают так: — хорошо, если есть в эмиграции люди, способные нелегально проникнуть в СССР; хорошо, если один из них убил большевизмавшегося батюшку, кощунственно анафематствующего перед алтарем своего митрополита; 5) из подобного романа советская молодежь ознакомится с чинами панихиды и узнает забытые в советской печати первобытные слова молитв, названия облачения, церковных сосудов, иерархии.

Описание состоявшегося 13 октября в Севастополе празднования 100-летия его героической обороны подтверждает мои слова. 13-го октября прибыли для посещения Черноморского флота отдыхающие в Крыму Булганин, Хрущев, Ворошилов, Микоян и маршал Жуков в сопровождении секретаря ЦК Украины Кириченко и секретаря Крымского Обкома Полянского. Их встретили адмирал флота СССР, член ЦК, зам. м-ра обороны по флоту Николай Герасимович Кузнецов (53 лет, быв. матрос Северной флотилии с 1919 г.), зам. командующего военно-морским флотом СССР адмирал С. Г. Горшков (командовал Черноморским флотом 1950-55 г. г.), командующий с лета с. г. Черноморским флотом вице-адмирал В. А. Пархоменко и его нач. штаба вице-адмирал Н. М. Кулаков, секретарь Президиума Верховного Совета Н. М. Пегов. После посещения стоявших на рейде боевых кораблей на заседании Горсовета, 13 октября, Ворошилов, вручая Севастополю орден Красного Знамени, произнес речь, в которой, после восхваления создателей крепости, полководца А. В. Суворова и флотоводца Ф. Ф. Ушакова, адмиралов Синявина, Лазарева, Нахимова, перешел к компартии, поднявшей восстание на «Потемкине», упомянул, что в мае с. г. по случаю 50-летия восстания награждены орденами все 89 еще здравствующих его участников, затем заявил, что «силу удара моряков-черноморцев испытали и солдаты кайзера и отборные части черного барона Врангеля и его не менее черных друзей из-за рубежа». Потом он упомянул 250 дней осады немцами Севастополя в 1941-42 г. г. и закон-

чил восхвалением поездки Хрущева к Тито, соглашения с Аденгаузром и перетачи Финляндии военной базы Порккала-Уд, как проявлений советского миролюбия.

При чтении его речи поражает, что меньше всего дряхлый коммунист говорил о столетии героической истории русской военной истории, а вместо упоминания хотя бы матроса Котки или Даши Севастопольской считал уместным вспомнить П. П. Врангеля, ибо еще и сейчас боятся в Московских партийных кругах, что в эмиграции появятся преемники его славной борьбы!

За ним Хрущев произнес скучную речь об успехах партии в области народного хозяйства, в которой преобладало: «в некоторых восточных областях, в результате засухи получен низкий урожай... Мяса, молока и других продуктов животноводства, правда еще маловато...»

За последние недели московская печать уделяет все больше внимания Ближнему Востоку, где ясно обрисовывается ее план: посол в Багдаде Даниил Сергеевич Солод и военный атташе генерального штаба полковник Немченко должны в ближайшее время выступить против Израиля: тогда Айзенхауэр и Иден, боясь потерять доверие и популярность среди еврейства, окажут поддержку Израилю и пойдут на любые уступки перед СССР, пожервав в первую очередь Германию, которую будет легче советизировать после кончины Аденгауэра; ее ждут с нетерпением в Кремле. Интересно отметить, что, желая страстно кончины Аденгауэра, боятся за жизнь Айзенхауэра, ибо опасаются, что Никоси, став президентом, хотя бы на год, поведет энергичную антисоветскую политику вместо улыбок Айзенхауэра.

Эту статью читатели прочтут, увы, уже после 7-го ноября, но сейчас еще за неделю до этой проклятой годовщины хочу подвести некоторые итоги этого последнего, весьма неудачного для большевиков года их диктатуры:

Во внутренней политике —

1). Пал авторитет органов МВД, пошатнувшийся с расстрелом в декабре 1953 года свергнутого в июле Берия. В годовщину его казни расстрелян другой палач Абакумов, а в феврале сего года уволены в отставку жестокие члены Верховного Суда Дмитриев, Матулевич, Хлопов, приговорившие к расстрелу в 1937 году Пятакова и 12 других оппозиционеров, в 1938 году — Рыкова, Бухарина, Ягоду и др., в 1946 году — генерала А. А. Власова и его одиннадцать генералов, затем атамана Семенова и генерала Молчанова, в 1947 году — генералов П. Н. и С. Н. Красновых, А. Г. Шкуро, Т. П. Даманова, Султан-Клыч-Гирей и фон Павлица и много десятков генералов последней войны; в этом году, впервые в советской литературе, как и в частных разговорах, можно критиковать чекистов, говорить об их ошибках и произволе, — а падение престижа «меча диктатуры» удар по самой диктатуре!

2). Февральский кризис с заменой Маленкова Булганиным и назначением Жукова министром обороны еще более ослабил авторитет правительства; Маленкова не посмели или не сумели ликвидировать, как Берия,

и он еще может свергнуть дуумвират Булганина и Хрущева; дальнейшему успеху маршала Жукова мешает его соперничество с более удобным партийной верхушке маршалом Коневым, выдвинутым на пост командующего войсками всего «Восточного» Блока, куда входит и СССР, что подчиняет ему Жукова: в результате нет ни одного вождя с авторитетом Ленина или Сталина, а «коллективное руководство», ослабленное внутренней грызней эппгонов диктатуры, не внушает народу того страха, который внушал ненавидимый всеми Сталин!

3). Июльский пленум ЦК показал крах всех хозяйственно-политических мероприятий Хрущева: страна все глубже погружается в нищету: жиреют министры и маршалы, но худеет и беднеет народ. Не помогли ни отправки оторванной от семьи школы, родного города или села молодежи на целину Казахстана, Алтая, Заволжья, ни посевы кукурузы по всем колхозам и совхозам вплоть до Полярного Круга: даже наивные иностранцы хохочут, увидев в витринах московских магазинов колбасы и сыры из раскрашенного картона.

4). В печати печально рассказы о посевах кукурузы и воем труде па целине, как в те времена исчезли одна за другой башни с разведенными кроликами на заводах и рыб в колхозных прудах или о шести условиях Сталина, о хозрасчетных бригадах, о силосовании кормов и прочей ерунде, которая месяцами заполняла советскую печать. Появляются статьи о предстоящем XX партийном съезде, на котором каждому захочется сожрать своего соперника, но страшно самому оказаться жертвой своих многолетних товарищей по работе в якобы «монопольном» ЦК.

5). Сентябрьский указ об амнистии ничем не отмечен в советской печати: это — наполовину акт капитуляции, о котором лучше молчать перед своим народом, наполовину хитрый маневр для разложения опасного противника, о целесообразности которого большевикам пока нечего сказать.

Во внешней политике —

1). Наиболее позорной оказалась капитуляция перед Тито, на которую не пошли бы ни Ленин, ни Сталин; ехать из Москвы в маленький Белград, чтоб каяться на аэродроме перед презрительно молчащим Тито, что всех нас вместе с «великим Сталиным» обманули злые Берия и Абакумов, можно только, потеряв голову в неудачных попытках расколоть Запад, или хотя бы свергнуть этого изменчившего Сталина хорватского партизана. Престиж СССР пострадал от этого во всех странах-сателлитах.

2). Столь же позорной неудачей явилось льстивое приглашение в Москву Аденгауэра, которого столько лет упорно не хотели признавать; пришлось уступить в наиболее неприятном для партийных садистов пункте: пообещать возвращение к семьям свыше 9 тысяч немцев, которых мечтали стонать по тюрьмам: советского посольства в Бонне еще нет, а уже 6.200 немцев вернулись домой: сейчас МВД с неделю приостановило их отправление, но из Бонна на это сообщили в Москву, что пока все они не вернутся, советского посла в Бонне не примут. С большевиками надо говорить твердо и грубо: Италия еще в 1943 году прекратила войну против СССР и в 1944 году приняла советского посла; поэтому больше всего замучили итальянцев в СССР; до сих пор еще не возвращают тысячи

итальянцев, а немцев возвращают еще до приема советского посла ярким врагом большевизма Аденгаузром. Отметим, что в этом году СССР согласился на освобождение Нейрата и адмирала Редера, которых Сталин и Вышинский хотели заморить в тюрьме.

3). Не менее позорной явилась капитуляция в Австрии: 10 лет лживая советская дипломатия изыскивала всякие поводы для продления военной оккупации страны, свободой которой она провозгласила в Московской Декларации трех союзников в 1943 году, а теперь, не сумев создать там сильной коммунистической партии, советское правительство полостью очистило территорию Австрии: уходя, советская армия пограбила еще раз австрийское население: многие офицеры, оставляя свои квартиры в австрийских городах, не постыдились увезти с собой газовые плиты, электрическую арматуру и паровое отопление, объясняя, что это пригодится им дома. На прощанье были расстреляны несколько солдат и офицеров, пытавшихся бежать от возвращения на закабаленную родину. Впечатление от 10-летнего пребывания советской администрации лучше передает ответ австрийского политика на вопрос: смогла ли бы Австрия теперь вынести новую войну? — «Войну еще она бы вынесла, но не новое «освобождение» войсками маршала Маленковского!»

Только раз, в 1946 году, искушались единственным грозным ультиматумом Трумана, Сталин увел войска из северных областей Ирана. Теперь советские войска впервые ушли из занятой в годы войны европейской столицы. Падение советского режима в Вене воскрешает надежды на свободу не только в странах-сателлитах, но и в России. Впервые с 1945 года Вена проведет 7 ноября без парада советского гарнизона, а Баден и Медлинг без маршировки стоявших там частей МВД генерала Белкина. Австрийские подручные чекистов начинают расплачиваться за свои преступления: арестован полицей-президент Котбауэр, похитивший по приказу МВД австрийскую девушку, отправленную затем в советский концлагерь, и выдавший фальшивый паспорт Н. Е. Хохлову для поездки в Западную Германию. Это грозное предупреждение местным агентам чекистов не только в Восточной Германии, но и во всех странах-сателлитах. Русский народ впервые видит в Австрии государство, освободившееся от советского гнета.

Почти накануне ноябрьских торжеств советская дипломатия переживает новое разочарование: борьба марокканцев против французских оккупантов приводит не к большевизации страны, а к возвращению на прародительский престол законного и преданного вере своих отцов Государя. Большевикам нет повода радоваться своим достижениям за последний год в украшенных советскими флагами и гнусными рожами сталинских последышей русских городах. Сейчас радуются марокканцы возвращению из Мадагаскарской ссылки своего султана, радуются женой и дети министра фон Нейрата и адмирала Редера, а 6.200 немцев и 3.000 австрийцев, прошедших мучительные годы в советских тюрьмах, обнимают своих родных. Придет время, порадуемся и мы, мои друзья и читатели: и на нашей улице будет праздник!

Алексей Ростов

2 ноября 1955 г.

Григорий Климов

(Окончание)

Ответ на „открытое письмо“

(«НАША СТРАНА» № 274)

3.

Вы совершенно правы, когда требуете ясности целей, во имя которых должна вестись борьба с коммунизмом. Все мы, в ЦОПЭ, убеждены не только в том, что должно отдавать себе полный отчет во имя чего ведется борьба с коммунизмом, но и в том, что положительной программе неизменно принадлежит доминирующее место в любом политическом движении, а тем более в освободительном. Мы не раз указывали в «Свободе», что ликвидация коммунизма не может быть самоцелью освободительного движения нашего народа. Напротив, мы убеждены, что борьба с коммунизмом должна вестись во имя лучшего будущего. Свержение советской власти и ликвидация коммунистической системы только **непрерывное условие** для осуществления этого лучшего будущего.

Спешу добавить, что как я, так и все мы в ЦОПЭ, не тешим себя надеждами, что в момент освобождения «народ сам все решит» и считаем, что одна из важнейших задач эмиграции — это критическое освоение опыта, как русского исторического прошлого и настоящего, так и прошлого и настоящего других народов. Конечно, не для нахождения «единственно возможных» рецептов будущего устройства России, а как раз для того, что Вы называете «советом» при составлении и осуществлении «плана Нового Русского Дома». Больше того — если политическую борьбу нельзя вести без ясности целей, то не менее бессмысленно возвращаться в Россию с «пустыми руками» (вернее — с пустыми головами), т. е. не проделав большой подготовительной работы по критическому освоению всего общественно-политического, экономического и духовного опыта, как русского, так и иностранного. Необходимо понять, что величайшей опасностью для освобожденной России будет невольное обрабатывавшийся после падения коммунизма политический и духовный вакуум. Эту пустоту надо заполнить новыми, и — что самое главное — конструктивными идеями. В силу целого ряда причин, особенно в результате духовной изоляции русского народа, на которую его обрек коммунистический режим, на советской эмиграции лежит задача стать носителем подобных идей в Новой России. Эта историческая миссия эмиграции, которую никто не может взять на себя кроме нее. И если эмиграция вернется на родину всего-навсего с расплывчатыми представлениями о свободе, не отдавая себе отчета как можно и нужно оградить завоеванную народом свободу от посягательств вольных и невольных демагогов, как на месте уничтоженной ненавистной системы можно и нужно построить новое, то и возвращаться ей на родину нечего — со спокойной совестью можно констатировать, что она зря потеряла все эти годы пребывания на чужбине.

Т. о. мы целиком разделяем Вашу точку зрения, что политическим организациям нашей эмиграции пора, наконец, ясно и недвусмысленно сказать каковы их политические убеждения и за какую именно Россию они борются. Но это необходимо не для того, чтобы избрать одну из оглашенных программ как «единственно пра-

вильную» (таких программ вообще нет и не может быть) и предать все другие анафеме, а для того, чтобы начать, наконец, плодотворную, деловую и конструктивную дискуссию о возможных и целесообразных путях развития покоммунистической России, чтобы уже здесь, в эмиграции отсеять безответственную болтовню и утопические «проекты» от конструктивных и продуманных предложений. Пора перенести дискуссию о будущем из области нападок в область деловых аргументов и начать оценивать сделанные высказывания по их существу и содержанию, а не по тому, кто их высказал. Только в споре мнений рождается истина.

Как видите, Ваши старания убедить нас в необходимости ясной формулировки целей и задач освободительной борьбы — напрасны: мы целиком разделяем Вашу точку зрения в этом вопросе.

Другое дело, что мы — ЦОПЭ, понимаем под этими целями, что по нашему мнению должно быть претворено в жизнь, чтобы, пользуясь Вашими словами, русский народ смог «с наименьшими затратами национального капитала и в кратчайший срок достигнуть максимального расцвета своих духовных сил и материальных ресурсов». При этом хочу заранее отметить, что мы ни в коем случае не придерживаемся того мнения, что наш народ «может достигнуть процветания и благосостояния при любом» государственном, социальном, экономическом и политическом устройстве. Напротив, мы убеждены, что для процветания и благополучия нашего народа необходимо осуществление целого ряда существенных политических и экономических предпосылок. Однако, в противовес Вам, мы обратим в этом отношении меньше внимания на государственное устройство и верховную власть, чем на создание элементарных социальных, правовых, политических и экономических основ Нового Русского Дома, ибо мы убеждены, что давно настало время строить Российское Государство не «сверху», а «снизу», не от верховной власти, а от отдельного человека. Если Новая Россия будет иметь здоровый, обеспечивающий свободное развитие творческих сил и народной самобытности социальный, экономический, политический и конечно, в первую очередь — духовный фундамент, то государственное устройство и верховная власть, если и не приложатся сами собой, то во всяком случае будут созданы и более логично и более безболезненно, чем это было до сих пор в русской истории. Во всяком случае мы далеки от мысли становиться в вопросе государственного устройства и верховной власти на позиции исключительности. Рассматривая, подобно Вам, программы будущего не как навязывание, а как совет, мы остаемся последовательными, считая, что последнее слово в этом вопросе принадлежит действительно нашему народу или облеченным его доверием людям в будущем Учредительном Собрании, Земском Собрании или ином конституирующем органе Освобожденной России.

Как мы представляем себе будущее устройство России, какие предпосылки мы считаем необходимыми для обеспечения процветания и бла-

госостояния нашего народа, как по вашему мнению должна выглядеть Свободная Россия, было впервые сформулировано в политическом Манифесте ЦОПЭ, оглашенном в апреле 1954 г. Здесь были набросаны первые контуры того будущего, во имя которого мы призываем народы России на борьбу с коммунистической системой. Изложенные в Манифесте принципы были развиты и подверглись более или менее детально освещению в выпущенной нами брошюре «Неугасимая воля к свободе» (За что мы боремся). Вполне понятно, что сказанного как в Манифесте, так и в брошюре недостаточно, что необходимо дальнейшее углубление и дальнейшая конкретизация изложенных здесь принципов и положений. На это нужно время, много вдумчивой и упорной работы. От молодой организации, занятой к тому же в основном работой на «ту сторону», нельзя требовать, чтобы она уже сегодня могла дать исчерпывающие ответы на все возникающие в этой области вопросы.

Однако, уже теперь можно без труда установить на основании указанных выше документов, что выдвинутая ЦОПЭ программа не имеет ничего общего, ни с «настоящим социализмом», ни с «функциональной ответственностью». Можно, конечно, спорить о том, в какой мере наша программа «размыта» и неконкретна, но нельзя упрекать нас ни в молчании, ни в подтасовке четких требований «красивыми словами». Другой вопрос, насколько эта программа соответствует тем представлениям о будущем России, какие имеете Вы и то движение, к которому Вы принадлежите. Но я надеюсь, что Вы не собираетесь требовать от людей, чтобы они были бы одного мнения во всем.

Я далек от мысли сравнивать и противопоставлять программы ЦОПЭ и Народно-Монархического Движения, но поскольку Вы упрекаете нас, что мы «игнорируем» опыт русской истории и отказываемся «от национально-государственной традиции» русского народа, я невольно вынужден остановиться, если и не на основном программном пункте Народно-Монархического Движения, то, в-е-та-ки, на его историческом обосновании. При этом я позволю себе затронуть не только выдвинутые Вашим открытым письмом мысли, но так же остановиться на Ваших замечаниях по тому же вопросу в статье «По поводу одной дискуссии» («Наша Страна» № 283). Тем более, что в этой статье Вы подвергли критике журнал «Свободу», на что хотелось бы заодно ответить.

Основной «национально-государственной традицией» нашего народа Вы считаете «самодержавно-монархическую форму власти». Не подлежит сомнению, что до 1917 г. Россия в течение четырех с половиной веков, — а не одиннадцати, как утверждаете Вы, — была государством с самодержавно-монархической формой правления. До Ивана III говорить о самодержавии сперва киевских, а потом московских князей вряд ли можно. Больше того, до нашествия татар, а частично и до Ивана III, монархическо-княжеская власть не только не была самодержавной, но и даже типичной. В первые века русской истории князь, как правило, был главой дружины и судьей в общинных расприх (да и то не везде). Его «призывали» городские общины или племена для охраны от внешних врагов и для сопровождения торговых караванов. Не менее часто его и «изгоняли», когда он не

удовлетворял требований, которые к нему предъявляла «призывная» его община. Как Вам известно, князь-изгойна полна история первых четырех столетий русской государственности. Наравне с княжеским образом управления имелись, однако, и другие не менее типичные формы, как та особая форма общинной демократии, которая сохранилась до Ивана III в Новгороде и Пскове (и не захватил Иван северо-запад силой, возможно еще дольше). В то же время и княжеская форма правления была не однородной: с одной стороны усиление княжеской власти по киевскому образцу, с другой — мелкопоместное княжество, как оно, например, было распространено в Галицкой Руси. Галич, Владимир (позднее — Москва) и Новгород, приняв наследство Киева, по разному развили идею государственного устройства, причем Галич пошел по пути мелкопоместного княжества, органически слившись в польскую «дворянскую республику». Новгород сохранил основы общинных республик и развил их до захвата его Москвою и, наконец, Владимир и его наследник — Москва, развили принцип княжеской центральной власти до самодержавной монархии. Необходимо, однако, отметить, что «владимирско-московский путь» оказался победителем не потому, что он наиболее полно отражал внутреннее развитие и не потому, что такова была внутренняя динамика русской государственности того времени, а потому, что он был для того времени единственным путем, несшим в себе освобождение от татарского ига. Не внутренние закономерности русской жизни, а внешние причины стояли у колыбели самодержавной монархии. Это важно знать, дабы не упрощать историческое прошлое России и не сводить его к единственной государственной традиции — к самодержавной монархии. Если самодержавная монархия, сохранившие некоторую долю своего влияния до последнего времени. Если самодержавная монархия и была одним из возможных путей развития русской государственности (и так ее и следовало бы рассматривать в плане исторического развития государственной идеи), то факт ее укрепления вплоть до господствующей формы власти, несомненно, заставляет обращать на нее особое внимание.

Однако, Россия вовсе не единственная страна, в которой самодержавно-монархический принцип власти был господствующей государственной формой в течение ряда столетий. В той или иной степени все европейские государства были в свое время монархиями, причем различие отдельных стран было столь же большим, как и их различие с русской монархией. В одни исторические периоды эти различия были сравнительно велики, в другие — минимальны. (Например, разница между киевскими княжествами и княжествами франков в IX-XI вв. была минимальна, равно как разница между русским и европейским абсолютизмом XVIII века, как между русским и европейским развитием в XIII, XIV и XV вв. имеются серьезные различия). Но дело не в этих различиях или сходствах, дело в том, что несмотря на столетия монархической власти, которая была им так же свойственна, как и России, европейские государства отошли от монархической формы правления. Невольно возникает вопрос — почему же это произошло? Вы, вероятно, возразите, что нет единых для всех

народов законов и что нам, русским, в конце концов не дела до того почему европейцы отказались от монархии — это, де, их дело — они нам не указка. Что единых для всех народов законов нет — неоспоримая истина, но зато есть известные закономерности, которые легко поддаются исследованию. И эти закономерности надо учитывать.

Изменение форм власти и государственного устройства идет нога в ногу с общими духовными и социальными изменениями, которые переживают все народы в ходе своей истории. Пускай и несколько различно, но переживают. Но прежде чем остановиться на тех духовных и социальных изменениях, которые пережила наша Родина (равно как и другие, не только европейские народы), необходимо разъяснить наши расхождения в понимании русской самобытности.

Самобытность не есть исключительность. Самобытность может быть понята только как соответствующее этническому, географическому, духовному и иным предпосылкам развития человека. Там где имеются общие этнические и духовные корни, где развитие происходит в общем географическом пространстве, каждое самобытное явление есть особый вариант общего целого. Там, где общих корней нет, развития идут самостоятельно, независимо друг от друга. Вплоть до того момента, когда шедшие до этого самостоятельного развития вступают друг с другом в более или менее тесный контакт. Тогда одно развитие начинает влиять на другое и они или находят общую базу, или одно из них погибает.

Европа и Россия имеют общие корни, прежде всего этнические и духовные. Кроме того европейское и русское развитие происходят в одном и том же географическом пространстве. Русские относятся не только к белой расе, но и составляют особую ветвь славянских племен, испокон веков населявших Европу. В христианстве и греческом гуманизме все европейские народы имеют общие духовные корни. То, что их исторические пути были подчас весьма различны, еще не значит, что они принципиально отличаются друг от друга. Самобытность развития в рамках общего целого не исключает общность, а напротив подчеркивает ее.

«Самобытность» допетровской Руси заключалась в том, что она копировала действительно самобытное, но в то же время принципиально общее с Европой духовное и политическое развитие XI и XII в.в. Вызванное внешними причинами отличное от Европы развитие русского «феодализма» и самодержавия в конце XVIII века никуда уже больше не «прогрессировало». Оставался либо «петровский» выход, либо дальнейшая изоляция и дальнейший культурный и хозяйственный застой.

Все приведенные в Вашей статье «По поводу одной дискуссии» примеры грешат, к сожалению, исторической неточностью. «Благосостояние» населения при царе Алексее, толкающее на Разинщину, на Медный и Соленый бунт, довольно странное благосостояние. Кстати, именно эти бунты и плачевное состояние русского хозяйства того времени и заставили собирать Земские Соборы, которые никогда не были народным представительством, а совещанием правителя со своими заместителями и помощниками. Никакого внутреннего желания править «с собором» у монархии ни тогда, ни позднее не было. Крепостничество было только формально не личным. Соборное уло-

жение 1659 г. красноречиво говорит, что до личной крепостной зависимости оставалось сделать всего один шаг. Петр всего-навсего логически продолжил своих предшественников и формально узаконил то, что фактически давно уже существовало.

Духовная изоляция России была почти полной. Даже попытка патриарха Никона удалить из Священного Писания закравшиеся туда в результате безграмотной переписки ошибки и велепости вызвала бурю сопротивления, не говоря уже о его реформах отошедшей от основ православия обрядовости. Приведенные Вами примеры привлечения иностранцев «спецов» подтверждают не Вану, а нашу точку зрения. Все дело в том, что своих специалистов не было, а приведенные Вами цифры поистине смехотворны для размеров России. Кстати, Вы довольно странно цитируете Платонова, забывая указать, что он на примере привлечения все большего числа иностранцев в Россию на царскую службу доказывал, что реформы Петра не были неожиданностью, а были подготовлены предыдущими царствованиями.

Горе допетровской Руси в том, что в ней отсутствовала духовная и политическая связь с другими народами. Это вело к захирению русской культуры, к духовному застою. Все приведенные Вами примеры памятников и деятелей русской культуры относятся либо к киевскому, либо к послепетровскому периоду, когда общение с другими народами было весьма интенсивным. Анализ творчества Рублева так же привел уже давно к выводу, что гениальный иконописец перевоплотил на русский лад, полученные извне импульсы, и как раз возможность получить связь с внешним миром и делает фигуру Рублева единственной в своем роде, имеющей связи с современниками, занимавшимися рабским копированием старых образцов. Русскому перковому водчеству также был дан толчок извне — Аристотелес Фиораванти своим Успенским Собором в Кремле открыл русским строителям новые перспективы, которые они блестяще использовали. Но эти примеры — исключения. Ни собственных математиков, физиков, техников, ни собственных писателей, поэтов и музыкантов в России не было. Конечно, можно рассматривать грамотность, науки, литературу, музыку, светскую живопись и архитектуру, как «дьявольские наводнения», но тогда и говорить собственно не о чем...

Смысл реформ Петра в том и заключался, что они создали предпосылки для возникновения и развития собственной русской интеллигенции. Вместо заграничных «спецов» — собственные специалисты и ученые. Ломоносов (учившийся, кстати сказать, в Лейпциге) был первым деятелем этих реформ в блестящей плетке русских дарований, которым реформы Петра открыли путь к науке и культуре. Какого лучшего доказательства успеха и правильности реформ Петра еще нужно?

Вы глубоко ошибаетесь, когда предполагаете, что можно «перенять» и употребить себе на пользу выросшие на чужой почве науки и техники, не перенимая породившие эти науки идеи, равно как и соответствующие этим идеям институции и устройства. Они взаимно определяют и предполагают друг друга. Пример Японии говорит не в Вану пользу: в свое время, чтобы выйти из со-

стояния первобытной дикости, Япония переняла и внутренне освоила китайскую культуру, а приняв в прошлом столетии европейскую технику, осваивает в настоящее время и европейские учреждения и европейскую духовную культуру. Власть некогда сильно ограничена парламентом, а современная японская философия, мало кажется имеющая отношение к естественным наукам и технике, но в то же время отражающая духовно уместную жизнь страны, является частью европейской философии: там занимаются Гегелем и Кантом, агностиками и экзистенциалистами, но не Конфуцием. Это не удивительно: естественные и точные науки, техника и производство опираются на то особое европейское мировоззрение, которое правильнее всего назвать реалистическим. Оно дало европейским народам возможность сделать великие открытия последних четырех-пяти столетий. Нельзя перенять математические формулы и технические навыки, не овладев методом мышления, которое их породило. Присвоив себе европейскую методику мышления, человек начинает иначе оценивать не только силы природы, но и самого себя и окружающих его людей. Новые правовые и моральные принципы заменяют то, что было на их месте (возможно, не менее моральное и справедливое) до столкновения с европейскими идеями. Тем более это имеет место там, где духовные корни, где восприятие мира тождественно европейскому, является его частью или вариантом, как в России.

Гениальность Петра в том и заключалась, что он понял внутреннюю взаимосвязь между образованием, наукой и техникой с одной стороны и идеями и государственным устройством своего времени — с другой. После Александра II русские властители и этого уже не понимали. И духовный застой сегодняшнего СССР лишний пример тому, к чему ведет изоляция народа. Разница по отношению к допетровской эпохе, пожалуй, только в том, что вместо заманивания «спецов» приходится красть планы атомной бомбы, хотя естественные науки и окружены неустанной заботой «партии и правительства».

В пылу полемики с нами Вы не обратили внимания на то существенное обстоятельство, что мы вовсе не отрицаем самобытности русской культуры. Допетровская культура России была самобытной. Ее отличие от допетровской только в том, что вместо четырехсотлетнего довольно нудного пережевывания все тех же византийских образцов XII в., развитых и наполненных новым, соответствующим русским условиям содержанием, но в результате отсутствия живого духовного общения с другими народами, осужденных на самоповторение, своеобразно и блестяще перевоплотились в ней на русский лад общность с Европой идеи современности. Неужели по Вашему русская литература от Пушкина и Жуковского до Достоевского, Толстого и Блока — не русская литература? Русская музыка от Глинки и Даргомыжского до Стравинского и Прокофьева — не русская музыка? А живопись Репина, Серова и Левитана — не русская живопись? Века застоя сменились годами расцвета благодаря духовному общению с другими народами. При этом русское искусство и русская культура считались не менее самобытными, чем они были и в прежние столетия, когда русская иконо-

пись и водчество творчески освоили византийские образцы. Вот за такую самобытность, предполагающую творческое восприятие и излучение в корне общих идей, нашедших в разных странах и у разных народов свое особое выражение — мы и стоим.

Самобытность не противоречит освоению чужого опыта, а предполагает его. Иначе она безнадежно деградировала. Надо только знать в каких границах чужой опыт может принести пользу в отечественных условиях. В чем он полезен и в чем он вреден. Но такой же реализм и такая же трезвость должны руководить и освоением собственного исторического опыта. Надо быть критичным, как в том, так и в другом случае. Учиться у Европы и Америки не значит рабски копировать их, однако и в отечественной истории надо отличать живое от мертвого. И можно заранее сказать, что попытка воскресить к новой жизни пророка Аввакума ни к чему не приведет. Для того, чтобы осознать жива или мертва та или иная традиция надо прежде всего проверить живы или мертвы ее духовные и общественные предпосылки, обеспечивавшие в свое время жизнеспособность и плодотворность данной традиции.

Духовная основа монархии — это Божья милость, только в ней имеет монархия свою основу и свое оправдание. Без идеи Божьей милости не может быть и монархии (иначе это будет не монархия, а наследственный вождизм). Монарх — избранная Богом личность, которой Создатель передоверяет заботу о повседневном мирском существовании людей. Без жизненного и постоянного опущения этой преемственности не может быть и монархии. Но тем самым один из смертных становится больше, чем просто смертным человеком. Он качественно отличен от других, ибо на нем Божья благодать.

И вот эта основная идея монархии мертва в наши дни почти повсеместно. Представление об избранности одного человека, об его качественном отличии от других людей, не подкрепляется больше живым ощущением мироздания. Монарх не может быть судим другими смертными за свои поступки, хотя он сам — как человек — и смертен. Современное сознание не в состоянии преодолеть этого противоречия, тем более, что в основе христианского учения лежит великая правда о равенстве всех людей перед Богом. Истина об единственности и неповторимости человеческой личности противоречит наличию одного избранного, стоящего выше других и могущего по своему усмотрению, опираясь на данную ему Богом власть, распоряжаться другими личностями. При этом деловое не в том, что чувствующий свою ответственность перед Богом монарх кажется чем-то утопическим. Теоретически вполне можно себе представить, что монарх не злоупотребляет данной ему Богом властью. (Практически представить себе такого идеального монарха поистине трудно: и русский и заграничный опыт говорит обратное). Дело в том, что можно строить государственную и общественную жизнь либо на идее абсолютной ценности и неповторимости отдельной человеческой личности, либо на принципе существования двух категорий людей — одной, ответственной только перед Богом и тем самым противопоставленной всем другим людям, и другой, ответственной, как перед Богом, так и перед избранником. В зависимости от того, ка-

кую идею мы ставим в центр нашего понимания человеческого общества и решается вопрос о монархии или немонархии. Это не вопрос целесообразности, традиции и привычки — это принципиальный мировоззренческий вопрос. Один принцип исключает другой и совершенно невозможно говорить о свободе человека и в то же время настаивать на самодержавной монархии. (Репрезентативная монархия нечто совсем другое, но о ней, кажется, и не было речи).

Идея независимости отдельной личности и равенства людей между собой, как абсолютных величин определяет и социальное устройство нашего времени. Современная техника и современное производство, обеспечивающее жизнь людей, может существовать и развиваться только при наличии равенства всех людей перед общим законом и ограниченной всеобщей свободой других людей личной инициативы. При разделении труда, когда все общество участвует в производственном процессе должно существовать хотя бы теоретическое равенство возможностей. Конечно, до сих пор не удалось, да и вряд ли когда-нибудь удастся, создать идеальное устройство общества. Идеальных решений не бывает. К ним надо стремиться, но они недостижимы, как и не познаваема абсолютная истина. Ни в Европе, ни в Америке нет идеальных государственных и общественных устройств. Но в то же время, соответственно наличествующим условиям (естественного, исторического и духовного порядка) европейское и американское устройство жизни относительно лучше других. Оно обеспечивает больше свободы человеку, дает ему более высокий материальный уровень жизни, чем существовавшие до этого общественные устройства. Конечно, как и всякое устройство, оно имеет и свои недостатки. Эгоизм и обособление личности, преувеличение значения материальных благ могут развиваться в европейских условиях скорее и глубже, чем при других формах человеческого общежития. Вопрос только в том, что важнее: свобода человеческой личности и ее относительное материальное благосостояние, или боязнь «омешаниться». Современное развитие невозможно без риска эгоизма и «культы золотого тельца». Отказаться от независимости человеческой личности, таящей в себе опасность оскудения духа, — против которой можно и нужно бороться ду-

ховными же средствами, а не созданием особых институций — значит отказаться от обеспечения благосостояния возможно большего числа людей, от принципа творческого развития отдельного человека, от его инициативы.

Честно признаться, мы никак не можем понять, почему Вы в один присест нападаете на социализм и «функциональную собственность» (хотя это вполне традиционно — старая Русь знала только функциональную собственность, поскольку вся земля принадлежала царю и только передавалась «на кормление» сподвижникам престола), а с другой стороны жестоко протестуете против Евраоны и ее устройства. Если Вы стоите за частную собственность, то Вы должны считаться и с возникновением эгоизма и всех других европейских «смертных грехов», если нет, то почему Вы нападаете на различные формы коллективной собственности, хотя бы теоретически исключаящие эгоизм?

Еще одно короткое замечание по поводу социального и общественного положения монархии в современных условиях. В свое время монархия вполне логично опиралась на сословия, составлявшие как бы промежуточные звенья между монархом и народом. Таких сословий сегодня нет, да и взять их неоткуда. Поскольку Вы сами и Ваше движение не признаете сословной монархии, то спрашивается, на что же должна опираться такая монархия. Все, что нам удалось узнать о представлениях Вашего движения в этом кардинальном вопросе не особенно удовлетворяет, ибо если монархия не конституционная (т. е. не носит чисто представительный характер) и не сословная, то она может быть только бюрократичной. И упаси нас Бог от бюрократов, будь они и выходцами из всех слоев народа! Ничем, как новыми условиями вся эта затея кончится не может.

Вы утверждаете, что Россия была «великой и могучей державой» только при монархии. Признаться откровенно, величие и могущество российской державы, как самоцель, вещь мало привлекательная. Что толку, например, от невиданного доселе внешне-политического «величия и могущества» Советского Союза? От этого нашему народу ни жарко ни холодно, напротив, ради «величия и могущества» советской державы он доведен до нищенского существования и находится под невиданным гнетом ужасной и бесчеловечной диктатуры. Для нас, молодого поколения современной России, величие и могущество нашей родины — это прежде всего свобода, благосостояние и счастье каждого отдельного русского человека, самого управляющего своей жизнью и тем самым определяющего судьбу России, которые есть его личные судьбы. Не от незнания исторического прошлого России, а, напротив, из вдумчивого его изучения лучшими представителями нашего народа, равно как из убеждения, что человек сам призван управлять своей судьбой, мы считаем, что он сам должен дать себе те формы правления, которые наиболее соответствуют признанию суверенитета человеческой личности. Служение России — это не служение отвлеченной идее, а служение миллионам русских людей, из которых каждый — единственная в своем роде и неповторимая личность.

Уважающий Вас

Григорий Климов

Н. Потоцкий

Мой ответ Григорию Климову

III. ЗА КАКУЮ РОССИЮ?

Можно и должно с полной искренностью приветствовать Ваше согласие с одной из наших главных установок: о необходимости и обязанности для каждой честной и серьезной политической организации открыто и недвусмысленно высказаться, за какую именно Россию в будущем она ведет в настоящем борьбу против коммунизма. В этом отношении мы, народные монархисты, готовы гораздо больше уважать честных и откровенных республиканцев, чем тех непредрешенцев типа Орехова и Гыбакова, которые, прикрываясь трескучими и бессодержательными фразами, то ли скрывают свои убеждения о будущем устройстве России, то ли вообще этих убеждений не имеют, забывая, что по этому поводу сказал их же собственный бесспорный авторитет, ген. Краснов: «Под белыми знаменами, на которых ничего не написано, ходят только сдаваться».

Наше расхождение с Вами начинается только с того момента, когда Вы заявляете, что сначала (после освобождения России от коммунизма) необходимо «создать элементарные социальные, правовые, политические и экономические основы Нового Русского Дома», причем создать этот фундамент снизу, а затем уже ставить вопрос о государственном устройстве и верховной власти. Причем этот фундамент должен быть «здоровым и обеспечивающим свободное развитие творческих сил и народной самобытности». В то же время Вы признаете, что наш народ не может достигнуть процветания при любом государственном, социальном, экономическом и политическом устройстве. Но если вопрос о государственном устройстве — это прежде всего вопрос о монархии и республике, то как же можно закладывать прочный фундамент нового дома, не отдавая себе уже в начале постройки ясного отчета, какая именно форма власти будет гарантировать эту самую прочность фундамента? Ибо обеспечивать данному народу свободное развитие его творческих сил и его национальной самобытности может только такая власть, которая в своем содержании наполнена точно таким же духом этих сил и этой самобытности, каким на протяжении веков была проникнута творческая деятельность и национальная психология этого же народа, формируя путем передачи из поколения в поколение национально-государственную традицию народа. Вот почему мы, народные монархисты, и убеждены, что наш народ сейчас же после своего освобождения должен будет призвать того Хозяина, под руководством которого он будет строить свой Новый Дом, ибо начать строить этот Дом снизу, это значит отдать его постройку в руки самих рабочих, без хозяина и выбранных им архитекторов и инженеров, и рисковать его новым и очень скорым обвалом.

Впрочем, в Вашей брошюре «За что мы боремся» Вы и сами откровенно высказываетесь за совершенно определенную форму власти — за демократическую республику. А потому, в сущности, весь наш с Вами спор должен стремиться к тому, чтобы из него родилась та непреложная

(Окончание)

истина, что развитие творческих сил и самобытности нашего народа может ему обеспечить либо Народная Монархия, либо демократическая республика. Понятно, конечно, что, готовясь бороться в освобожденной России за установление этой республики, Вы прежде всего переходите в атаку против монархии, дабы подорвать тот ее престиж нац.-госуд. традиции нашего народа, которым она пренебрежена и в глазах народных монархистов, и — мы в это твердо верим — в загнанном пока внутри национальном самосознании Российской Нации.

Вы начинаете эту атаку с утверждения, что самодержавная монархия существовала в России всего последних четверть с половиной столетия, т. е. с Ивана III. Это неверно: самодержавием был уже Андрей Боголюбский (XII), самодержавцами были и первые московские князья задолго до Ивана III. Но даже если бы самодержавная монархия была традиционной властью для нашего народа только в течение последних 4 с половиной веков перед революцией 1917 года, то и эта продолжительность делает ее гораздо более солидной в своей традиционности, чем, скажем, французская и американская республики, или даже английская конституционная монархия. Четверть с половиной века, это, согласитесь, достаточно долгий срок, чтобы служить веским аргументом в пользу нашего утверждения, что так долго продержавшаяся форма власти не могла не отвечать и духовным идеалам, и жизненным потребностям нашего народа. Именно с этой точки зрения понятно, почему не выжила та форма «общинной демократии», которую Вы видите в Великом Новгороде, и которая, по Вашему предположению, продержалась бы дольше, не захвати ее Иван III. Здесь Вы тоже грешите против фактов: никакой «общинной демократией» Новгород не был — это была олигархия торговой знати, причем эта знать тянула к Литве, а народные низы — к самодержавной Москве, почему в битве на р. Шелони новгородская пехота и перешла без боя на сторону Московского Великого Князя. Так что с точки зрения традиционности у демократической республики в России прецеденты совсем не блестящие: Новгород, Семибоярщина и ... 1917 год! Традиция с довольно таки подмоленной репутацией...

Вопрос о причинах зарождения и развития владимирско-суздальского и московского самодержавия Вы трактуете чрезвычайно поверхностно, отделяясь одной фразой о том, что «владимирско-московский путь оказался победителем не потому, что такова была внутренняя динамика русской государственности того времени, а потому, что он был единственным путем, несшим в себе освобождение от татарского ига».

В своем письме Вы даете понять, что знакомы с трудами И. С. Солоневича. В этом случае, Вы должны констатировать, что, говоря о зарождении русского самодержавия и совершенно справедливо относя его еще к Андрею Боголюбскому, И. Л. Солоневич указывал прежде всего его главнейший внутренний фактор его зарождения, фактор чисто психологический, функционировавший начиная еще с IX-го века: «Начиная с Олега, первых сказаний и первых

В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

газета «НАША СТРАНА»

и все КНИГИ

Издательства «НАША СТРАНА»

продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;

в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон);

в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;

у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;

на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.

« НАША СТРАНА »

В САН-ПАУЛО (БРАЗИЛИЯ)

продается

в магазине «КНИГА»

ул. Сан Бенито, 217, комната 124

летописей и кончая сегодняшним днем, сквозь всю историю проходит одно доминирующее стремление — тяга к национальному и государственному единству. «к воплощению государственного тела», как выражался Костомаров. На сторону этого становились прежде всего русские низы, «мизинные люди». Андрей Боголюбский «поставил свою ставку именно туда, куда было нужно: на низовую массу», на которую и оперся и которая поддерживала и его, и его наследников против тогдашней боярской аристократии. Эти мизинные люди стремились к власти общенациональной и надклассовой. Они его и создали в ее самодержавной форме. Вот почему И. Т. Солоневич совершенно прав, когда говорит о том, что во Владимирской Руси «мы присутствуем при чисто народном, демократическом рождении русского самодержавия». И если в дальнейшем это самодержавие окончательно обосновалось и утвердилось в Москве, то опять-таки в результате той же психологической причины: «если миллионная масса в течение ряда веков и на всей территории России неустанно и непрерывно ищет и ищет свой организующий центр, то сна его или найдет, или создаст». «В тогдашней России были все психологические предпосылки для создания единой, общенациональной и надклассовой власти. Эта власть не могла быть создана там, где уже укрепились классы, — на наших западных территориях. Удельный феодализм Киева, землевладельческий феодализм Вильны и торговый феодализм Новгорода душили эту власть на корню. Страна обосновала свой новый центр там, где всего этого не было», — сначала во Владимире, затем в Москве. Таким образом, будучи объективным и искренним, Вы должны признать, что Ваше утверждение о том, что «не внутренние закономерности русской жизни, а внешние причины стояли у колыбели самодержавной монархии», лишены серьезного исторического основания. Эта Монархия имела свои истоки в глубинах народной души и была поэтому глубоко народной. Родинись во Владимире в XII веке, она, следовательно, никак не могла иметь «внешнюю причину» своего зарождения в виде татарского ига, обрушившегося на Русь только в следующем столетии. И потому Вы, а не мы, народные монархисты, «упрощаете историческое прошлое России», ибо мы делаем выводы из него на основании анализа глубоких психологических причин, породивших совершенно реальные исторические факты — Московское самодержавие сначала и, после извращения его в результате реформ Петра I, самодержавие российских императоров, начиная с Павла I, — подлинно народное самодержавие, ибо народными были его истоки.

Вы указываете, далее на то, что в свое время все европейские государства были монархиями, а затем от монархической формы правления отошли — может, следовательно, по Вашему, в результате «известных закономерностей», отойти от нее и Россия. Предвидя, повидимому, наш ответ, что психологический отход (закономерный, а не фактический, насильственный) и отрыв Русского народа от Монархии невозможен в силу нашей русской самобытности, Вы стремитесь доказать, что эта самобытность не ставит нас в особо исключительное положение в сравнении с другими европейскими наро-

дами, ибо «Европа и Россия имеют общие корни, прежде всего этнические и духовные. А, кроме того, европейское и русское развитие происходят в одном и том же географическом пространстве». Мы принадлежим к белой расе, мы — одна из ветвей славянства, наши духовные корни в христианстве и греческом гуманизме. Следовательно, идя даже своим самобытным историческим путем, мы остаемся лишь частью общего целого — Европы и ее цивилизации и культуры. Так ли все это?

Этнические и духовные корни не являются предпосылками, обязательно обуславливающими последующую общность. Евреи и арабы — одного и того же этнического корня, но более чуждых одно другому племен в настоящее время трудно себе представить — как и большей, чем у них, взаимной ненависти. Христианство, в его западной — католической и восточной — православной формах, пошло по двум глубоко друг от друга отличающимся в самой своей внутренней сущности путям. Римское католичество, это — слепое подчинение авторитету, иерархия, формализм, это — епископы-правители отдельных феодалов и вельмож, это — прощение грехов по индульгенциям, это — папская непогрешимость и сам Папа — светский государь. Русское православие, это — глубочайшее смирение, сознание своей греховности, теснейшее единение духовенства и с народом и с верховной властью, отсутствие у Церкви какого бы то ни было стремления к светскому властвованию, вековечное стояние на страже духовного и национального единства Земли Русской. Что же касается «принципиально общности с Европой политического развития XI и XII веков», то эта общность была чрезвычайно мимолетна и чрезвычайно вредоносна для нашего национального единства: это был тот феодализм, зачатки которого появились в древней Руси и, ослабив ее изнутри, сделали ее легкой добычей азиатских орд, а в Зап. Европе расцвели пышным цветом и создали ее политическое дробление, продолжающееся до наших дней. К величайшему счастью для России, эти зачатки феодализма не привились к ней благодаря основным свойствам русского народного духа — его психологии широких горизонтов, его уживчивости и его стремлению к национальному единству, каковые качества и задавали фундамент Великому Княжеству Московскому, а затем и Российской Империи. И в то время, как Европа тонет в грязи и крова, феодальной борьбы всех против всех, религиозных войн, инквизиции и все больше развивала свой основной, ныне ярко восторжествовавший, психологический фактор: «человек человеку — волк», Московская Русь ширилась, крепла и в царствование двух первых Романовых достигла максимального возможного для той эпохи совершенства и политического устройства, и благосостояния народных масс, с поправкой, конечно, на суровую необходимость чудовищных затрат национального капитала на жестокую борьбу с иноземными захватчиками.

Вы ставите в упрек Московской Руси консервирование ею своей духовной изоляции от Запада и отсутствие прогресса в ее политическом развитии, в результате чего «оставался либо петровский выход, либо дальнейшая изоляция и дальнейший культурный и хозяйственный застой». Вы, следовательно, называете

духовной и политической изоляцией совершенно естественное стремление народа, идущего по своим собственным духовным и политическим путям, продолжать идти по ним, ибо историческая практика уже доказала их соответствие с народным духом и их правильность в деле территориального расширения и роста национального могущества? На это мы можем только сказать: если бы такая изоляция и такое величайшее существование по самобытному державному пути не было сорвано петровскими реформами, последующая история России не знала бы ни периода расцвета крепостного права, ни того духовного отрыва правящего класса, от народных масс, который и был главной причиной революции 1917 года. Что нужно было Московской Руси заимствовать у Запада? Его технические усовершенствования, его военную организацию? Но Московская Русь несколько не нуждалась в них, напр., русская армия при Царе Алексее Михайловиче имела уже 63 полка «иноземного строя». Общий характер московской государственности XVI-XVII вв. профессор Виппер определяет так:

«Культура, которую жило великорусское племя в свою блестящую московскую эпоху... Рыцарское войско, дисциплина помещичьего дворянства, государственные дороги — нечто единственное в тогдашней Европе, система податей, устройство приказов, сложная художественная символика придворной жизни, и изумительное дипломатическое искусство московских деятелей»...

И эту блестящую эпоху Вы называете эпохой «изоляции и застоя»? Вот уж, поистине, Вам хочется зачислить себя в нищую историческим духом рать непомнящих свое национальное родство! И при этом Вы забываете еще один бесспорный факт: что именно Запад, в своем страхе перед «северным медведем», который, заимствовав его, Запада, достижения, его же и съест, стремился изолировать от себя Московскую Русь. Не для культурного ли сближения с Западом боролся Иван IV за выход к Балтийскому морю и не Запад ли в лице Ливонского Ордена, Польши и Швеции ревниво преграждал ему этот путь? Побольше знания родной истории, г. Климов!

Или, может быть, Московская Русь должна была поучиться у тогдашнего Запада разумному устройству своей политической жизни? Вместо собиранья Земли Русской раздробиться на сотни княжеств и бароний, ведущих непрерывную борьбу между собою? Превратить свое крестьянство в быдло по примеру высококультурной Речи Посполитой (республика)? Основать свою монархию на абсолютнистском праве сильнейшего, а не на религиозно-нравственном фундаменте «дignитату совести»? Построить свое лучшее в мире, в ту эпоху, самоуправление на базе вечной борьбы между ним и верховной властью, каковой борьбы в Москве не было никогда? Нельзя не удивиться Вашей передержке, явно рассчитанной на невежд, когда Вы с апломбом заявляете, что «Земские Соборы никогда не были народным представительством, а совещанием правителя со своими наместниками и помощниками». Ведь это же абсолютная неправда! В состав Земских Соборов, кроме боярства и духовенства, входили выборные представители от городов, от людей посадских и от тяглых людей, т. е. от крестьян.

Вы пишете, что в Московской Руси «крепостничество было только формально не личным» и что «до личной крепостной зависимости оставалось сделать один только шаг», и «Петр всего-навсего логически продолжил дело своих предшественников и формально узаконил то, что фактически давно уже существовало». И это фактически неверно, ибо до введения Петром подушной подати, крепостное, но лично свободное крестьянство резко отличалось юридически от холопов, и именно эта реформа Петра слела обе эти социальные группы в крепостных рабов. Тут невольно хочется задать Вам ехидный вопрос: почему же Ваш кумир Петр, автор столь великих реформ, не включил в их число облегчение крепостной зависимости вместо того, чтобы завинтить до отказа ее прессы? Вы скажете, что он был принужден к этому силой обстоятельств, т. е. острыми нуждами государственной обороны? Но ведь и его предшественники вели тяжелые войны с Польшей и Швецией, а на полное порабощение крестьян они все-таки не пошли. И Вы не в состоянии все-таки опровергнуть те данные писевых книг XVII века, из которых явствует, что уже вскорости после Смуты русское крестьянство в материальном отношении стояло так высоко, как никогда после. А если все же невероятное напряжение в жесткой борьбе нации за самое свое существование вызывало порою внутренние кризисы, вроде бунта 1648 года или Разинщины, то и тут факт остается фактом, что эти бунты никогда не направлялись против верховной власти, а против злоупотреблений некоторых недостойных вельмож, и что даже в самых демократических республиках XX века подобные же бунты имеют место, как это было во Франции в феврале 1934 года.

Допустим, что технический прогресс в Московской Руси шел не так быстро, как это хотелось бы ее худителям, забывающим, что этот прогресс тормозился почти непрерывными внешними войнами. Но все же, медленно, но верно, он совершался и продолжался бы спокойно и дальше, вместо того, чтобы уступить место столь священным для Вас петровским реформам, которые Л. Тихомиров охарактеризовал поистине убийственно: «Учреждения Петра были фальшивыми для России и были бы еще вреднее, если бы оказались технически хороши. К счастью, в том виде, в каком их создал Петр, они оказались неспособными к реальному действию». Так «гениально (по Вашим словам) понял Петр внутреннюю связь между образованием, наукой и техникой, с одной стороны, и идеями и государственным устройством своего времени — с другой». Вы забываете и другие великие достижения Петра, о которых говорит И. Т. Солоневич: «Разгромлен правительственный аппарат Москвы, опиравшийся на русское самоуправление и заменен бюрократическим аппаратом инородцев. Разгромлено патриаршество, замененное Синодом. Разгромлено купечество, замененное «кумпанствами». Разгромлено крестьянство, попавшее в собственность дворянству. Финансовая реформа разорила страну». Таков был тот «петровский выход», который Вы считаете, для Московской Руси неизбежным и который был в сущности исходным пунктом пути, приведшего Россию к застенкам ГПУ.

Вы правы, говоря, что «смысл реформ Петра в создании предпосылок для возникновения и развития соб-

ственной русской интеллигенции», по праву не совсем. Во-первых, «собственная русская интеллигенция» появилась в России задолго до Петра: ею были и Ярослав Мудрый, и Владимир Мономах, и автор «Слова о Полку Игореве», и многочисленные летописцы, и книгопечатник Иван Федоров «со товарищи», и Нил Сорский, и Иосиф Волоцкий, и внешне духовенство, и Минин и Пожарский, и Ртищев, Ордын-Напокин и Князь В. В. Голыцин, и очень очень многие их современники, имена которых до нас не дошли. Во-вторых же, увя. «плеяде русских дарований реформы Петра открыли путь» не только «к науке и культуре», но и вложили в них зловредную бапизлу национального самооплевания и рабского преклонения перед Западом: раз уж надо и свою русскую одежду заменить немецкой, и свои бороды сбрить, и над своей Церковью издеваться, и свой великий русский язык на 50 процентов засорить всякими «викторинями» и «баталиями», значит, все у нас на Руси плохо, а на Западе все хорошо — вот, где была исходная точка дальнейших лизаний пяток у Вольтера и Дидро, Гегеля и Маркса — этот путь неизбежно и логично привел Россию к национальному и политическому самоубийству. Вот в чем настоящий «смысл реформ Петра», и вот почему Император Николай II (а он то нашу историю, знал, вероятно, лучше нас с Вами), глубоко русский человек и подлинный Русский Царь, сказал о Петре: «Это тот из Моих предков, которого Я наименее люблю». И вот почему прав И. А. Солоневич, сказавший, что «гений в политике, это хуже чумы. Ибо гений, это тот человек, который выдумывает нечто принципиально новое, вторгается в органическую жизнь страны и калечит ее». Петр привил русскому правящему классу ту «европейскую методику мышления», о которой Вы пишете, а у русского народа была своя собственная методика мышления, которая, исходя из его национально-духовной доминанты, создала Великую Российскую Империю, в то время, как европейская привела к тому бедламу, который мы имеем удовольствие сейчас созерцать. Так которой же из этих двух методик нам лучше руководиться при постройке Нового Русского Дома? Не лучше ли послать европейскую к чертовой бабушке?

Вы преклоняетесь перед реформами Петра потому, что, благодаря им «века застоя сменились веками расцвета благодаря духовному общению с другими народами». И Вы цитируете, как плоды этого общения: Пушкина и Достоевского, Блока и Глинку, Репина и др. Но цитируйте и другие «плоды»: декабристов, замышлявших убийство всей Царской Семьи, узкого фанатика Беллинского, готового принести тысячи жизней в жертву социализму, развратителей русской молодежи: Писарева, Чернышевского, Герцена, Лаврова и, наконец, бесов Достоевского. И почему же тогда, когда у нас этого «духовного общения» не было или оно происходило без тех заимствований из-под палки, которые практиковал Петр, у нас возникали и чудесные литературные памятники Древней Руси, и чудесные соборы Киева, Новгорода и Пскова, и тот же Рублев с целой своей школой, и наши несравненные народные мелодии, в которых черпал свое вдохновение Глинка, и наши яны Арины Родионовны, у которых

учились Пушкины? Не потому ли, что наша русская самобытность жила и в народной душе, и в ее отражениях в мире искусства, независимо ни от какого общения с Западом? Не нужно забывать, что это «духовное общение» — палка о двух концах, и через петровское «окно в Европу» к нам подул и зловонный ветер разлагающих идей «Великой Французской», атеизма, материализма и марксизма, усвоение которых большинством нашей интеллигенции — уже потерявшей свою духовную самобытность в результате реформ Петра — отравило, здоровый ранее, процесс нашего нормального духовного национального развития.

Наконец — о Монархии. Вы заявляете, что основная идея монархии, как идея о монархе Божьей милостью, ответственном только перед Богом за заботы о своих подданных и «могущем по-своему распоряжаться другими личностями», «мертва в наши дни почти повсеместно». Нас это «повсеместно» не интересует никак. Нас интересует, жива или мертва эта идея в душе Русского народа, до остальных нам, извините, дела нет. А что Вы скажете, если в глубине души нашего народа эта идея не умерла? Можете ли Вы с предельной добросовестностью удостоверить ее смерть? И если она жива, как быть тогда с Вашими намерениями проповедывать необходимость установления в России такого «глубоко русского» образа правления как демократическая республика? Не окажется ли она просто мыльным пузырем или вылинявшей моделью пиджака с чужого плеча, который Русский народ найдет все-таки в себе достоинство выбросить вон и великодушно оставить Вам донашивать на прекрасном Западе?

Здесь несколько маленьких фактических справок:

1. Слышали ли Вы что-нибудь о процессе Федоровцев, сотен мужиков, погибших под пулями чекистов с пеннем «Боже, Царя храни»?

2. Знаете ли Вы, что в занятых немцами областях России в дни панихида по Царской Семье церкви были переполнены молящимися?

3. Известно ли Вам, что наше Народно-Монархическое Движение насчитывает в настоящее время в своих рядах больше 50 процентов новых эмигрантов (которым, между прочим, закрыт доступ в Ваше столь свободолюбивое и демократическое ЦОПЭ только потому, что они монархисты)? Есть немало скрытых монархистов и в НТС, а может быть, — кто знает? — есть они и у вас? Это, так сказать, заметка на полях, а вот на главной странице мы поставим Вам такой вопрос: неужели, будучи в здравом уме и твердой памяти — памяти о событиях нашей тысячелетней истории. — Вы можете допустить, что в душе настоящей и великой Нации, чьи народные массы сами свободно выработали и укрепили самодержавную царскую власть и никогда против этой власти не подымались, ибо она целиком отвечала их религиозно-правственному идеалу, как наилучшее воплощение этого идеала в Боге созданной человеческой личности, — идея монархии, просуществовавшая от Олега и до Николая II, может умереть в результате 38-летнего владычества и лживой пропаганды антимонархической власти, которую народ всегда ощущал, как ему духовно чуждую? Неужели Вы ставите ни во что тот национально-государственный инстинкт, который существует у каждого великого народа, который ведет его по

его собственным, самобытным (без Ваших иронических кавычек) путем и побуждает его творить и поддерживать ту форму верховной власти, которую он органически ощущает, как наиболее для себя подходящую и в духовном, и в практическом отношении? Можно ли закрывать глаза на факт глубокой и неискоренной религиозности нашего народа, перед которой — пусть и в фальшивке современной московской патриархии — капитулировала безбожная власть? А если эта религиозность в нашем народе не умерла, какое же право имеет Вы допустить, что умерла живая и веками проверенная идея, из этой религиозности вытекающая: что Царь это Слуга Божий, Божьей Милостью поставленный для вождения народа по путям Божьей Правды, что только такой Царь, не зависящий ни от какого «многочисленного человеческого хотения», ни от каких политических партий или каких либо социальных группировок, способен организовать жизнь своего народа «по-Божески»: что только Царь, сознающий свою ответственность перед Богом за судьбы своего народа и ставящий в первом месте интересы всей Нации в ее целом, способен гарантировать народу настоящую свободу, которая в Ваших демократических республиках копируется самым наглым образом: не объявило ли французское правительство войну немцам в 1939 году, не спрашивая согласия у парламента, этого «выразителя народной воли»? Не клялся ли Рузвельт, уже замыслив войну против Японии и Германии, что американские матери могут быть спокойны за своих сыновей, которых он не пошлет воевать? Не «распорядились» ли эти великие вожди великих демократий «другими личностями по своему усмотрению»? И неужели Вы думаете, что наш народ забыл, как он жил до переворота 1917 года, какова была тогда в России свобода человеческой личности, свобода вероисповедания, труда, слова, печати и прочего, вплоть до свободы всяких политических шулеров сбросить в лицо Монархии подлые обвинения в «глупости или измене»? Ведь об этой жизни и об этой свободе рассказывают же своим детям и внукам люди, о которых они еще хорошо помнят, ибо им сейчас 55-70 лет! Ведь просто смешно читать Вашу фразу о том, что «совершенно невозможно говорить о свободе человека и в то же время настаивать на самодержавной монархии». Это какой-то детский лепет — приготовления из школы социалистической пропаганды, руководимой узколобыми фанатиками, никогда серьезно не задумывавшимися о подлинной, глубокой внутренней духовной сущности русского, именно русского самодержавия. Неужели же Вы представляете себе самодержавие, как власть, принципиально угнетающую свободу личности? Неужели же Монарх, проникнутый духом учения Христа (а такими были все подлинные Русские Цари), может стремиться к угнетению этой свободы? Не вели ли именно эти подлинные самодержавные российские Императоры, начиная с Павла I, борьбу против дворянства за свободу личности и труда миллионов своих подданных-крестьян? Чью свободу попирали самодержавная власть Императора Николая II? Не пора ли покончить со всеми этими дешевыми пропагандными фальшивками Абрамовичей и Покровских?

Совершенно неверно, что мы, народные монархисты, «нападаем на различные формы коллективной соб-

ственности». Неверно потому, что эти формы свободно существовали и в Царской России: крестьянские общины, еще не воспользовавшиеся правом на выход на отруба, вабочные и ремесленные артели, кооперативные товарищества и т. п. Мы нападем лишь на те установленные властью виды «функциональной собственности», которые проектируют солидаристы (а может быть, и Вы?), ибо они рожают партийное насилие и бюрократический паразитизм и неизбежно вызывают противодействие наиболее способной части населения, с логическим последствием этого противодействия — концлагерями и чекистскими пулями в затылок.

Вы спрашиваете, на кого должна опираться проповедуемая нами Монархия? Вопрос удивительно наивный и свидетельствующий, что некоторые недавние выходцы из России действительно никогда над вопросом о Русской Монархии не задумывались. На кого опиралась Монархия в царствование Алексея Михайловича? — На все классы Русского народа — ибо какой из этих классов был в ту эпоху против Монархии? А разве против нее русское крестьянство — 80% населения России — перед переворотом 1917 года? Так почему же и будущая Российская Монархия не сможет опираться на все социальные классы страны, ибо ни от одного из этих классов она зависеть не будет, а интересы и претензии каждого будут взвешивать только с точки зрения общегосударственного блага? Вы же знаете, что перед Первой Мировой войной русское дворянство, как таковое, фактически, постепенно и даже очень быстро, сходило с политической сцены, и Россия определенно шла к полному уравнению всех сословий — на кого же опиралась бы Монархия, когда это неминуемо осуществилось бы без революции?

И, наконец, Ваше последнее возражение относительно величия и могущества России. Отрицать, что при последних Российских Императорах и при многих из не последних, Россия была великой и могучей державой, едва ли может добросовестный исследователь прошлого. И была она великой и могучей не только в смысле обширности территории, а именно в том смысле, в каком Вы понимаете это величие и могущество: в непрерывном и быстром развитии «свободы, благосостояния и счастья каждого отдельного человека, самого управляющего своей жизнью и тем самым определяющего судьбы России». Не падали ли последние классовые перегородки и сословные привилегии? Не было ли суда, правого, скорого и милостивого для всех? Не все ли подлежали службе на оборону государства? Не был ли открыт доступ любому гражданину Империи к занятию любой должности (вопрос еврейского равноправия приближался к своему разрешению)? Не было ли русское рабочее законодательство одним из самых передовых в мире? Не был ли русский крестьянин полным хозяином своей земли и своего урожая? Не вопросом ли нескольких лет была полная ликвидация неграмотности? Не свободна ли была внешняя и внутренняя торговля? Не одним ли из лучших в мире было русское самоуправление вплоть до столь дорогого Вамему сердцу парламента, который то и дело тормовил военное и экономическое развитие России и, наконец, предал ее интересы ударом ножа в спину накануне блестящей победы над внешним врагом? О какой же свободе

Rusia de cerca y de lejos

por HARRISON E. SALISBURY
(Conclusión)

Moscú hace la corte a los franceses con el convenio de que los estudiantes soviéticos cursen en la Sorbona y los estudiantes franceses en la Universidad de Moscú; con un servicio aéreo combinado entre Moscú y París realizado por Air France y Aeroflot Soviético; con una exposición en París de los Picassos propiedad del Soviet; con la liberación de un cura francés que ha pasado 10 años en un campamento de trabajos forzados; con la consesión de viasados a media docena de ancianas institutricas francesas, sobrevivientes de los tiempos prerrevolucionarios, para volver a París; con el permiso otorgado a un famoso fotógrafo francés para que recorra la Unión Soviética y tome fotografías.

Casi todos los días los rusos hacen algún favorcito... fácil pero impresionante. Va acompañado por unas cuantas palabras en favor de Europa para los europeos y contra la constante intervención de Norteamérica en los asuntos de Europa, tema cada vez más eficaz porque repite lo que están diciendo muchos europeos sin solicitud ninguna por parte de los rusos.

говорите, собственно говоря, Вы, которая не содействовала бы в ту эпоху и духовному расцвету и экономической мощи Русского народа и которая была несовместима с российским самодержавием?

Вы ставите на первом плане свободу суверенной личности. Разница между нами собственно в одном: Вы считаете, что в будущей России эту свободу обеспечит та форма власти, которая уже доказала свое духовное и организационное банкротство, которая уже привела Западный мир к полному моральному (а во многих отношениях и к физическому) упадку, к потере чувства подлинного человеческого достоинства, к культуре торгашеских выгод, к проявлениям самого низкого материализма, самого подлого эгоизма и самого гнусного лицемерия в попирании основных заветов учения Христа. Мы считаем, что стаскивать вылинявший и изъеденный молью, полусгнивший, кроваво-и грязью пропитанный халат с полумертвенна, чтобы насильно или обманом напялить его на плечи молодой, духовно сильной и в самой глубине своего духа религиозной нации, это значит — предавать интересы своего народа, это значит утратить ту национальную гордость которая одна только способна быть основой подлинного величия народа: гордость за то, что в самых нечеловеческих условиях наш народ создал самую «человеческую» в мире государственность» (И. Л. Солоневич).

Вы не хотите (или не можете!) понять самого главного: что именно человечность этой государственности обуславливалась духовной силой того монархического принципа который наш народ бережно культивировал в течение многих веков и который — мы, народные монархисты, не сомневаемся в этом ни на одну минуту — он восстановит во всем его величии и красоте, как только он сможет свободно оформить свое исконное стремление к идеалу Божьей Правды.

Без Самодержавного Народного Царя этой Правде на Руси не быть — не быть и самой

СВЯТОЙ РУСИ.

Н. Поточкин

Политическая Хроника

Поездка Б. В. Сергиевского

Нам пишут из Нью Йорка:

Председатель Российского Политического Комитета в Нью Йорке Б. В. Сергиевский и член правления того же Комитета полк. С. Н. Ряснянский, состоящий в то же время начальником отдела Русского Обще-Воинского Союза в Соединенных Штатах, выехали по приглашению русских эмигрантских организаций в Канаду для установления контакта между этими организациями и Комитетом.

Загадка Евгения Немова

Нам пишут из Мюнхена:

В местной немецкой печати появилась информация, усиленная загадочность двойного «перелета» эмигранта Евгения Немова из Мюнхена в восточный Берлин и обратно в Мюнхен.

Как известно, Евгений Немов с семьей отозвался на призыв советского комитета «За возвращение на Родину», выехал из Мюнхена в Берлин, пробыл несколько дней в советской зоне Берлина, а оттуда бежал обратно, опять с женой и двумя детьми, в американскую зону города, откуда был на американском самолете доставлен в Мюнхен.

По словам немецких газет, в Мюнхене ныне арестовано лицо, с которым Немов встречался в этом городе до своего «перелета» в Берлин. Находясь в восточной зоне Берлина, Немов, в комитете генерала Михайлова, встретился с тем же лицом, которое предложило Немову вернуться в Мюнхен и принять там участие в положении т. н. новейшего эмигранта Игоря Кронзаса, состоящего вице-председателем Центрального Объединения Поселенных Эмигрантов — ЦОПЭ — и принадлежавшего к числу самых близких сотрудников переехавшего ныне в Соединенные Штаты председателя этой организации Г. Климова.

Розыски

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией «Нашей Страны» или ее представителями на местах.

Майора **Пройдисвет**, друзей-власовцев и всех знакомых просит откликнуться **Леонид Михайлович Сухорецкий** по адресу:

Leonid Suchorecki
Rua Esteves Junior, 130. Florianopolis, S. C. BRASIL.

Лица, знающих что-либо о судьбе **Леонида Петровича Данилова** из Сызрани, выехавшего в САСШ в 1925 году, просят сообщить по адресу:

Zinayida Petrovna Danilova (Zeynep Sisman), Necati bey cad. Noca tahsin sok. No. 27/29, Galata, Istanbul, Turquie.

Разыскиваю братьев **Филиппа Лукича** и **Прокопа Лукича Слесарь**, эмигрировавших в 1920 году. Оба — казаки ст. Поповичской Кубанской области, бывшие летчики. Просьба сообщить об их судьбе по адресу: Caixa Postal 10657, Sao Paulo, Brasil, для Ивана.

Предполагалось усыпить Кронзаса, впрыснув ему соответствующее усыпляющее средство, а затем перевести его в частном автомобиле из Мюнхена в советскую зону Германии.

Немецкие газеты не объясняют, кем именно было выдано западно-германским властям арестованное в Мюнхене лицо, не называют это лицо, но сообщают, что оно будет передано суду и что его процесс раскроет много закулисных подробностей «работы» комитета «За возвращение на Родину».

Эпилог казни адмирала Канариса

Нам пишут из Мюнхена:

Западно-германский суд приговорил в Аугсбурге к семи годам каторжной тюрьмы бывшего полковника СС Вальтера Гуппенкотена и четверых его бывших подчиненных, обвиненных в том, что в апреле 1945 года они привели в исполнение приговор германского военно-полевого суда и казнили бывшего начальника германской военной разведки адм. Канариса. Бывший председатель военно-полевого суда, приговорившего Канариса к смертной казни по обвинению в измене, судья Отто Торбек, приговорен к четырем годам каторжной тюрьмы. Суд признал, что адм. Канарис и казненный вместе с ним ген. Остер были убиты по распоряжению Гитлера, а не осуждены после законного судебного производства.

Дело о казни Канариса рассматривалось в третий раз. В 1951 и 1952 г. г. Гуппенкотен и Торбек были дважды оправданы западно-германскими судами, но дважды оправдательный приговор был отменен.

«НАША СТРАНА» существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «НАШУ СТРАНУ»

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Argentina
Buenos Aires

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Brazil: Leo Rubanov, Caixa postal 8406 Correo Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pádin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Sant a Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, calle 14 de Mayo № 80, piso 1o., Oficina del Ing. Cámeron, Asunción. Tel. 89-75.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif., USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B, San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzeff, 1322 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store 327 E. 14-th St. New York 3, N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 7608-110 Ave., Edmonton, Alta.
L. Kostyria, 6, Argyle Street, Toronto 3, Ont.
Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dioné, Catierville (Montreal) P. Q.

EUROPE:

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 12, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheïoff, «Kama» 27, rue le Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.
Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 63.
Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev Cas. postale 102, San Remo.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 23 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.
Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.
Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.
Mr. S. Domansky, 24, Proctor Ave, Kingsgrove, Sydney, N.S.W.

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

1955 НАША СТРАНА 1955

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Всеволода Дубровского

НАША СТРАНА

ПОДПИСКА

принимается Редакцией «Нашей Страны» и ее представителями на определенное количество номеров, или на срок: на 6 или на 12 месяцев (подписка плата в этом случае равна соответствующей стоимости 25-ти или 50-ти номеров газеты). Стоимость отдельного номера в розничной продаже или при подписке — одинакова.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 4 гуарани; Чили — 15 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 мф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

НАША СТРАНА

По ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии — 5,50 круз.; в Венесуэле — 1,25 боли.; в Парагвае — 5 гуарани; в Чили — 20 чил. песо; во Франции — 100 фр.; в Германии — 1 нем. марка.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настоящим образом внести не менее чем на десять номеров вперед.